

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОБЩЕНАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Серия «Экономика. Юридические науки»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

№ 4

ПРИЛОЖЕНИЕ

февраль 2003

СТАТЬИ

**по материалам Всероссийской научно-практической конференции
«Проблемы теории и практики уголовного процесса в свете нового УПК РФ»,
посвященной 125-летию Томского государственного университета
и 105-летию высшего юридического образования в Сибири
(Томск, ТГУ, 30 января – 1 февраля 2003 г.)**

СОДЕРЖАНИЕ

Оргкомитет конференции	3
Обращение к читателям	3
Шейфер С.А. Проблемы соотношения предварительного и судебного следствия по УПК РФ	5
Свиридов М.К. Вопросы реабилитации в уголовном процессе Российской Федерации	7
Якимович Ю.К. Особые производства в уголовном процессе	8
Ведерников А.Н., Ведерников Н.Т. Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного суда Российской Федерации в области уголовного процесса	10
Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины?	14
Деришев Ю.В. «Новая идеология» и наука уголовного судопроизводства	15
Володина Л.М., Некрасов А.Ю. Первые проблемы реализации нового УПК РФ	18
Танцерева Ю.В. Возникновение уголовного преследования по УПК РФ	19
Митюкова М.А. Некоторые теоретические и практические аспекты расследования преступлений в форме дознания	20
Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия: новый кодекс – старые проблемы	24
Бескаравайный И.В. Перспективы уголовного преследования лидеров организованной преступности в малых городах	26
Тарасов А.А. Процессуальная самостоятельность государственного обвинителя в новом УПК России	27
Володина Л.М. Роль и задачи прокурора в уголовном процессе	29
Андреева О.И. Пределы свободы поведения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения по УПК РФ	30
Лонь С.Л. Проблемы применения судом уголовно-процессуального законодательства о потерпевшем и гражданском истце	32
Кин А.Р. УПК РФ: некоторые проблемы правового положения потерпевшего	34
Гусельникова Е.В. Проблемы реализации потерпевшим функции обвинения по делам публичного уголовного преследования	36
Глазунов Б.Б. О самостоятельности следователя в принятии и реализации процессуальных решений	37
Аверченко А.К. К вопросу о полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела	38
Баксалова А.М. Функция прокурора в уголовном процессе	40
Кучугура М.В. К вопросу об адвокате свидетеля	41
Кулагин Д.В. Реализация правовых возможностей собирания доказательств защитником в соответствии с новым УПК РФ	43
Жеребцова Т.И. Участие защитника в собирании доказательств при реализации его полномочий в ходе принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу	45
Халецкий А.С. Установление достаточности доказательств на уровнях процесса доказывания	46
Поселенов А.Н. Обстоятельства, подлежащие установлению при доказывании события преступления по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов с организаций	47
Башур А.А. Способы собирания судом доказательств по УПК РФ	47
Трубинкова Т.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве РФ	49

ками процесса друг друга, но и знание ими процессуального статуса каждого.

Так, если вновь вызванному в судебное разбирательство свидетелю будет представлен для опознания подсудимый, которого он уже мог наблюдать в начале судопроизводства в качестве такового наряду с другими лицами, обеспечить наличие которых в ходе судебного разбирательства также проблематично, так как они должны быть по возможности внешне сходные с ним, то результаты такого опознания вряд ли будут процессуально правильными. Тем более свидетель может указать на подсудимого не потому, что он видел его, например, на месте совершения преступления, а потому, что он уже обладает таким статусом подсудимого, а для многих свидетелей, которые не имеют специальных познаний в области права, этот статус равен статусу лица, «виновного в преступлении», т.е. преступнику, поэтому выбор свидетеля может быть predetermined.

Арсенал способов собирания доказательств судом не так уж и велик и сводится, в основном, к участию в допросе субъектов процесса, назначению производства экспертизы и истребованию документов. Однако необходимость в производстве освидетельствования и опознания по конкретному делу все же может возникнуть.

Как же тогда поступать? Можно, конечно, вообще исключить данные судебные действия из способов собирания судом доказательств, но тем самым мы не решим проблемы. Доказательственная информация, полученная путем производства данных судебных действий, специфична и не может быть получена с помощью других способов. На мой взгляд, только в условиях предва-

рительного следствия есть необходимые условия для осуществления данных судебных действий. Поэтому если суд придет к необходимости производства опознания или освидетельствования, которые не могут быть проведены в рамках судебного разбирательства, на мой взгляд, разбирательство дела должно быть отложено, в соответствии со ст. 253 УПК РФ и суд должен дать сторонам поручение о производстве данного судебного действия и установить срок для его исполнения.

Процедуру дачи поручения необходимо закрепить в УПК РФ. На основе этого поручения прокурор либо сам производит указанные действия, либо поручает их следователю, осуществлявшему предварительное следствие по данному делу. В ходе производства этих действий вправе участвовать и защитник независимо от того, производятся ли они с участием подсудимого или других лиц. Предельный срок должен быть закреплен в законе и не может быть, на мой взгляд, более трех дней для производства каждого из указанных действий.

Поручение суда должно являться тем процессуальным актом, на основе которого будут действовать стороны. После выполнения поручения суда стороны предоставляют в суд протокол производства этих действий вместе с поручением, и судебное разбирательство возобновляется с того момента, с которого оно было отложено.

Таким образом, можно преодолеть существующие процессуально-организационные препятствия и дать возможность суду использовать данные способы собирания доказательств, а не быть ограниченным лишь участием в допросах, назначением производства экспертизы и истребованием документов.

1. Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса. Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002. С. 148.

Т.В. Трубникова

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ И ОБОСНОВАННОСТЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

О необходимости существования института судебного контроля за законностью и обоснованностью заключения под стражу в уголовном процессе РФ говорилось давно и много. И учеными, и практиками много было сказано о желательности того, чтобы такой контроль носил предварительный, а не последующий характер. Не останавливаясь подробно на положительных аспектах судебного порядка принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продления срока содержания под стражей, приведу лишь несколько соображений в пользу существования соответствующего института в уголовном судопроизводстве РФ.

Известно, что такая мера пресечения, как заключение под стражу, применялась в ходе производства по уголовному делу в РСФСР, а затем и в РФ (до июля 2002 г.) весьма широко. Согласно данным судебной статистики, в 1999–2001 гг. в Томской и Новосибирской областях около 30 % от общего числа подсудимых, к моменту рассмотрения их дел в суде, находились под стражей. В Алтайском крае эта цифра была еще выше, достигая иногда 40 %. Причем самостоятельно суды избирали такую меру пресечения в 3–5 %

случаев. В результате примерно треть обвиняемых длительное время до вынесения приговора и вступления его в законную силу содержались в переполненных следственных изоляторах, в невыносимых условиях, которые сами по себе являлись жестокими, бесчеловечными и унижающими достоинство [1].

Изучение практики показывает, что вид меры пресечения, избранной по отношению к лицу, обвиняемому в совершении преступления и действующей к моменту судебного разбирательства, не только может быть неприятным сам по себе, но и может повлечь за собой вынесение более сурового приговора.

Автором был изучен ряд уголовных дел о преступлениях, мера наказания за которые не превышала 5 лет лишения свободы. Анализ этих дел показал, что в среднем по таким делам, рассмотренным судьей единолично, реальное лишение свободы в качестве меры наказания применялось в 10,8 % случаев, тогда как по тем делам, по которым подсудимый к моменту вынесения приговора находился под стражей, реальное лишение свободы было назначено судом в 82 % случаев.

Показательны и данные судебной статистики в целом. Если в 1999 г. судами области было оправдано в

целом 0,07 % от общего числа лиц, представших перед судом, то из числа лиц, находящихся под стражей к моменту рассмотрения дела, не был оправдан ни один. Аналогичная ситуация имела место и в 2002 г. В то время, когда федеральными судами Томской области было оправдано 0,5 % от числа лиц, представших перед судом, для лиц, находившихся под стражей, процент оправдательных приговоров не достиг и 0,2 %, то есть был в 2,5 раза меньше, чем средний показатель (и в 3 раза ниже соответствующего показателя для лиц, находившихся на свободе к моменту рассмотрения дела).

Приведенные показатели далеко не случайны, более того, вместе с объективными закономерностями (чаще арестовываются лица, совершившие более тяжкие преступления, обвинение в отношении которых более доказано), они отражают и некоторые субъективные моменты восприятия судей. Последние в ряде случаев стремятся «оправдать» избранную ранее меру пресечения, избрав по отношению к подсудимому реальное лишение свободы, а иногда, по видимому, относятся к лицам, содержащимся под стражей, с некоторым предубеждением (о чем свидетельствует сравнительная частота вынесения в отношении таких лиц обвинительных приговоров).

С учетом изложенного приобретает огромное значение обеспечение максимально строгого, взвешенного подхода к избранию заключения под стражу в качестве меры пресечения, продлению содержания под стражей, наличие возможности своевременной отмены данной меры пресечения в случае отпадения необходимости в ней.

Ознакомление с практикой решения судом вопроса о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей в Томской области во второй половине 2002 г. дает основание утверждать, что при решении данных вопросов произошли весьма существенные изменения. Хотя суды не часто отказывают в удовлетворении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (так, во второй половине 2002 г. судами области было рассмотрено всего 822 таких ходатайства, 711 из них, т.е. 86,5 %, было удовлетворено), однако в целом произошло значительное сокращение числа лиц, находящихся под стражей. В течение 2002 г. в суды поступило 24,2 % дел, по которым обвиняемые находились под стражей. Количество удовлетворенных ходатайств о заключении под стражу за второе полугодие 2002 г. дает основание полагать, что в ближайшее время процент дел, по которым обвиняемые содержатся под стражей станет еще ниже.

Интервьюирование следователей, дознавателей, прокуроров показывает, что в настоящее время (по сравнению с практикой годичной давности) примерно в 2 раза снизилось количество задержаний и примерно так же уменьшилось количество лиц, в отношении которых подается ходатайство об избрании в отношении их меры пресечения в виде заключения под стражу, по сравнению с числом граждан, в отношении которых прокурором давалась санкция на арест. Впервые за много лет резко снизилось число лиц, содержащихся в СИЗО.

Однако есть и ряд проблем, связанных как с правоприменительной практикой, складывающейся в отношении рассматриваемого института, так и с позицией законодателя. Наиболее серьезная проблема, вскрывшаяся при изучении материалов производств по рассмотрению ходатайств о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, заключается в формальной проверке судом оснований для избрания меры пресечения.

Закон (ст. 97 УПК РФ) требует, чтобы любая мера пресечения избиралась только тогда, когда имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

При этом наличие достаточных оснований для соответствующего предположения должно найти свое подтверждение в ходе судебного заседания, должно обосновываться представленными в суд материалами. Эти же требования содержатся в решениях Европейского суда по правам человека [2. С. 108–122]. Однако почти в 40 % от числа изученных автором удовлетворенных судом ходатайств об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в представленных суду материалах не содержалось никаких сведений, которые позволили бы обоснованно предполагать возможность вышеуказанного поведения обвиняемого в будущем.

Существуют, на мой взгляд, и другие проблемы, обусловленные прежде всего позицией или небрежностью законодателя.

В решениях Европейского суда по правам человека неоднократно подчеркивалось, что однократного рассмотрения судом вопроса о законности и обоснованности содержания лица под стражей не достаточно для гарантирования его прав, предусмотренных ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. п. 4 ст. 5 этой Конвенции предусматривает, что лицо, содержащееся под стражей, должно иметь возможность возбуждать через разумные интервалы времени разбирательство для оспаривания своего содержания под стражей. Содержание под стражей не должно продолжаться сверх необходимости и нужен периодический пересмотр его через короткие интервалы [2. С. 145].

Однако УПК РФ не предусмотрел возможности обращения в суд обвиняемого (его защитника, законного представителя) для оспаривания продолжения содержания под стражей. Уголовно-процессуальный закон предусматривает лишь возможность кассационного обжалования (и кассационного пересмотра) постановления судьи об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу.

Представляется, что данная небрежность законодателя должна быть исправлена, но и до того, как соответствующие изменения будут внесены в закон, судам следует принимать к производству соответствующие ходатайства (заявления) обвиняемого (подозреваемого) либо его представителя и разрешать вопрос о том, не отпали ли к моменту рассмотрения такого

ходатайства основания для содержания лица под стражей, исходя из того положения, что содержание под стражей является крайней мерой и не должно продолжаться сверх необходимого времени.

Еще один момент, который хочется хотя бы вкратце затронуть. Это определение подсудности вопроса об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и правомерность допущения того, чтобы судья, ранее рассматривавший вопрос об избрании меры пресечения, в дальнейшем мог принимать участие в рассмотрении уголовного дела.

Позиция законодателя (и Верховного суда РФ) строится на отрицании того факта, что судья в ходе проверки наличия оснований к заключению под стражу оценивает обоснованность обвинения (в ходе чего могло бы сформироваться предубеждение в виновности обвиняемого), либо (когда речь идет о Постановлении Пленума Верховного суда РФ) на прямом запрете судье вдаваться в исследование вопроса об обоснованности обвинения.

1. *Права человека в России – международное измерение*: Сборник документов. М.: Изд-во «Права человека», 1995. Вып. 1. С. 304–305.
2. *Буценко А.П.* Практика Европейского суда по правам человека // Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. М.: Спарк, 2001. Вып. 1. С. 108–122.

В.В. Якимчукова

ОТЛИЧИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Содержание под стражей и уголовное наказание, являясь частью государственного принуждения, представляют собой ограничения прав и свобод граждан, в отношении которых они применяются. Между тем не смотря на определенное сходство это разные, не похожие друг на друга виды принуждения. Содержание под стражей, одна из мер пресечения, относится к уголовно-процессуальным мерам, наказание – к уголовно-правовым. В связи с этим у них абсолютно разные цели.

Основные цели содержания под стражей: предупредить, пресечь, исключить преступную деятельность, возможность скрыться от дознания, следствия и суда; нейтрализовать или устранить противоправное противодействие установлению по делу истины гражданина, к которому применяется подобная мера; обеспечить личное участие в уголовном судопроизводстве; обеспечить исполнение приговора, а также, в последующем, взыскание материального ущерба за причиненный преступлением имущественный вред. Заключение под стражу – по своей сути мера, обеспечивающая достижение основных целей уголовного процесса, таких как раскрытие преступления, изобличение виновных и привлечение их к уголовной ответственности.

Основные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Наказание, с одной стороны, является своеобразной карой для лица, совершившего преступление, с другой – носит превентивный характер.

Меры уголовного наказания применяются в отношении лица, признанного виновным, вступившим в законную силу приговором суда. Приговор выносится судом от имени государства. Содержание под стражей носит скорее охранительный характер и применяется

столь однозначное отношение к деятельности судьи при решении вопроса об избрании меры пресечения вызывает некоторое недоумение. Для сравнения, Европейский суд по правам человека исходит из того, что наличие разумного подозрения в том, что арестованное лицо совершило преступление, является необходимым условием для продолжения задержания такого лица [2. С. 109]. Представляется, что, действительно, судья, в ходе разрешения вопроса о необходимости применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу не должен (и не сможет) полностью устраниваться от оценки обоснованности предъявленного обвинения или подозрения.

С учетом этого наиболее оптимальным, на взгляд автора, было бы сосредоточение соответствующих полномочий в руках специализированных судей. Другим вариантом, достаточно пригодным для современных российских условий, может стать передача полномочий по решению вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражей мировым судьям.

для предупреждения опасности со стороны подозреваемого, обвиняемого, осужденного, в отношении которого применяется заключение под стражу. Постановление о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть вынесено лицом, производившим дознание, следователем, прокурором или судом.

Содержание под стражей как мера пресечения может быть применена на любой стадии уголовного процесса. Наказание назначается в заключительной стадии уголовного судопроизводства.

Применение уголовного наказания порождает для гражданина такое негативное последствие, как судимость. Судимость погашается или может быть снята при определенных условиях, указанных в законе. Заключение под стражу таких последствий не влечет.

Основной срок содержания под стражей – два месяца. Этот срок может быть продлен районным, городским прокурором, военным прокурором гарнизона, объ-единения, соединения и приравненными к ним прокурорами в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения – до трех месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено только ввиду особой сложности дела прокурором субъекта Российской Федерации, военным прокурором округа, группы войск, флота, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы Российской Федерации и приравненными к ним прокурорами – до шести месяцев со дня заключения под стражу.

Продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев допускается в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Такое про-